

После разгрома К 200-летию восстания декабристов

Олег Проскурин

От составителя

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_87

Oleg Proskurin
From the Guest Editor

Публикации, приуроченные к круглым (в особенности — юбилейным) годовщинам восстания декабристов, часто едва ли не больше свидетельствуют о времени своего создания, чем о своем объекте.

Сказанное относится и к авторам, которые стремятся убедить себя и читателей в том, что их исследовательская или просветительская деятельность не имеет прямого отношения к сиюминутным интересам современности. Вопреки их благим намерениям, современность спешит напомнить о себе — иногда весьма нетривиальным образом. Так, одиннадцать из шестнадцати авторов «позитивистского» трехтомного сборника «Памяти декабристов» (1926) — масштабного издательского проекта, осуществленного к столетнему юбилею восстания под грифом Академии наук СССР, — через три года после выхода заключительного тома будут арестованы по сфабрикованному «Академическому делу» и отправятся в лагеря и ссылку. В куда менее бурную историческую эпоху из корректуры двухтомника «Декабристы: Избранные произведения», готовившегося к 160-й годовщине декабрьского восстания автором этих строк совместно с А.С. Немзером, издательством последовательно выбрасывались — к немалому удивлению составителей — «Плач плененных иудеев» весьма умеренного декабриста Федора Глинки («Когда, влекомы в плен, мы стали / От стен Сионских далеки...»), затем — его поэтические переложения псалмов, в которых упоминался Израиль, и наконец — вообще все псалмы из его «Опытов священной поэзии». А на стадии «чистых листов» из хрестоматийной «Песни узника» («Не слышно шума городского...») были удалены (и заменены многоточием в угловых скобках) три строфы, в которых узник, обращаясь к монарху, выражает надежду на освобождение. Двухтомник, готовившийся с 1985 года, вышел из печати в 1987-м, уже в эпоху перестройки и гласности. Политическая ситуация радикально и стремительно менялась — настолько радикально и на-

столько стремительно, что в скором времени любопытствующим уже требовалось объяснять, чем так напугали издательство декабристские псалмы и песни.

Для юбилейного декабристского блока выбран тематический ракурс, который сам по себе представляется важным, интересным и недостаточно исследованным: разные формы рефлексии современников над итогами прерванной деятельности оппозиционного политического общества и неудавшегося восстания. Разумеется, никаких намеренных «проекций и аналогий» в подготовленных материалах нет. Но составитель осознаёт, что в актуальном контексте эти материалы способны приобретать особый, дополнительный интерес. Декабристская тема продолжает жить вместе с нами.

Пушечные залпы, положившие конец надеждам на политическое обновление России, еще не означали полной и окончательной победы над крамолой. Победителям необходимо было закрепить победу «дискурсивно», словесно — как перед лицом русского общества, так и перед лицом Запада. Усилия авторов, литературно обслуживавших власть, направлялись на то, чтобы создать отталкивающий и пугающий образ заговора и тем самым обосновать неизбежность репрессивных действий властей как необходимых мер по спасению России, поставленной мятежниками на край гибели.

В ряду соответствующих правительственных указов, манифестов и «описаний» центральное место, бесспорно, заняло «Донесение Следственной комиссии», составленное Д.Н. Блудовым — знакомцем и товарищем многих заговорщиков — на основе материалов следствия. Формально «Донесение...» представляло собой официальный отчет, фактически же оно было искусно построенным «литературным произведением» (А.М. Муравьев), с помощью разнообразных риторических и нарративных приемов дискредитировавшим деятельность тайных обществ и декабрьские выступления 1825 года: главной целью заговорщиков объявлялись безначалие и цареубийство; реальное содержание политической программы тайных обществ от публики было скрыто.

«Донесение...» на много десятилетий определило официальный образ декабристского движения. Но, призванное стать последним словом о заговоре и мятеже, оно, наоборот, подтолкнуло к ответам и опровержениям, стимулировало настоящую «войну дискурсов».

В открывающей подборку статье **Вадима Парсамова** анализируются опыты опровержения официальной концепции заговора и бунта, принадлежащие двум выдающимся членам тайных обществ 1810–1820-х годов — Н.И. Тургеневу и М.С. Лунину. Известный символизм можно усмотреть в том, что одна серия опровержений была создана за границей, политическим эмигрантом-невозвращенцем (несколько редакций т.н. «оправдательной записки» Тургенева), другая — на поселении в Сибири, осужденным «государственным преступником» («Разбор донесения...» и «Взгляд на русское тайное общество» Лунина). Критикующие ложь, умолчания и тенденциозные подтасовки официального «Донесения Следственной комиссии», эти тексты претендовали на то, чтобы дать истинную картину движения, создать его достоверный и исторически точный образ. Однако получившиеся в итоге картины вышли совершенно непохожими друг на друга, разнящимися не только в деталях, но и в узловых, принципиальных моментах. В статье Парсамова объясняется, в чем именно проявились разногласия авторов и какими причинами они были обусловлены.

В последекабрьскую эпоху ряд острых вопросов, связанных с выработкой жизненной и литературной стратегии в новых исторических условиях, встал перед А.С. Пушкиным. В статье **Олега Проскурина** в соответствующем ракурсе рассматриваются пушкинские «Стансы» («В надежде славы и добра...»). В их задании и, соответственно, в их конструкции автор усматривает многоуровневость и специфическую двойственность: Пушкин пытается использовать легитимированные властями политические мифологемы (в том числе те, что нашли свое место в «Донесении Следственной комиссии») таким образом, чтобы благотворно повлиять на судьбу различных групп репрессированных членов тайного общества (в частности, Н.И. Тургенева) и даже по возможности содействовать их интеграции в новую реальность.

Попытки Пушкина не увенчались успехом. Более того: поскольку некоторые политические подтексты «Стансов» во всей полноте могли быть понятны только их формальному адресату, императору Николаю Павловичу, восприятие стихотворения современниками оказалось однобоким. Читатели увидели в «Стансах» в первую очередь апологию власти, чем оказался обусловлен разброс в их оценках: от восторженного одобрения до скепсиса. Двадцатый век заставил видеть проблему рецепции еще острее. Особая роль здесь принадлежит Ю.Н. Тынянову, в блестящей (и во многих отношениях программной) работе «Архаисты и Пушкин» попытавшемуся доказать, что на пушкинские «Стансы» полемически откликнулся поэт-«архаист» П.А. Катенин; его стихотворение «Старая быль» оказалось «как бы предупреждением и предостережением» Пушкину (последний, согласно Тынянову, предупреждению не внял и на обвинения Катенина дал «гневный и ироничный» ответ). Истолкование Тынянова стало общепризнанным; сам же Катенин из «друга декабристов» (так он был назван в тыняновской статье) неприметно превратился в декабриста самого настоящего, «полноценного», лишь из-за недостаточной осведомленности властей избежавшего суровых репрессий. В статье **Татьяны Китаниной** предпринята попытка скорректировать представления о политической позиции Катенина и показать недостаточную обоснованность утвердившегося толкования «Старой были» как декабристской полемики с пушкинскими «Стансами».

Публикацию материалов, связанных с юбилеем восстания декабристов, редакция предполагает продолжить в 2026 году.